

САМОХОД

«ПРОЩАЙ, РОДИНА!»

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Самоход. «Прощай, Родина!»

Серия «Попаданчество»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13136417

*Самоход. «Прощай, Родина!» / Юрий Корчевский: Якута: Эксмо;
ISBN 978-5-222-39677-3*

Аннотация

Он попал на Великую Отечественную из нынешней Российской Армии.

Он не спецназовец, не разведчик, не диверсант, а простой солдат-срочник, наводчик противотанкового орудия «Рапира».

И боевое крещение в кровавом 1941-м он принимает за прицелом пушки-«сорокапятки», которую на передовой прозвали «Прощай, Родина!» – слишком большие потери несли наши противотанкисты в схватках с немецкими танками.

Но фронтовая судьба хранит «попаданца», пересадив его в боевое отделение самоходки. Сначала это трофейный «Арштурм», потом легкая Су-76, которую кличут «сукой», «голозадый Фердинанд» и «братской могилой экипажа». А в свой последний бой САМОХОД из будущего идет на грозной Су-85, способной «завалить» даже «Королевского Тигра»...

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Юрий Корчевский

Самоход.

«Прощай, Родина!»

Глава 1

В пекле

Повестка в армию пришла неожиданно. Нет, Виктор знал, что придется отдать священный долг Родине. Но только вчера он получил диплом техника по ремонту и эксплуатации автомобильной техники, и на завтрашний день были планы оттянуться по полной с сокурсниками – за три года техникума он обзавелся друзьями по интересам. И вдруг – как гром среди ясного неба.

Служить не хотелось, и не столько пугала дисциплина и хождение строем, как дедовщина. Правда – это кому как повезет. В их большом многоэтажном доме были парни, отслужившие в армии, и кто-то дедовщиной пугал, другие же говорили – брехня.

Отец назидательно сказал:

– Я три года срочной отслужил и, как видишь, жив и здоров. Армия из тебя мужчину сделает.

Виктор понимал, что в чем-то отец был прав. Ныне без службы в армии ни в силовые структуры, ни на государственную службу не устроиться.

Мать всплакнула и под бдительным оком отца собрала тощий сидор.

Утром провожали всей семьей – отец, мать и младший братишка Иван.

Около призывного пункта народу было полно, провожающие слегка хмельные, кто-то на гармошке наяривает, остальные песни горланят. Девушки – у кого они есть, конечно, – на шеях у призывников виснут, дожждаться обещают.

А потом построение, перекличка. Тут же, на призывном пункте, переодели в армейское, постригли. Многие себя в зеркале не узнавали. Конечно, лысые, все в одинаковой форме и похожи друг на друга, как болты в коробке.

Автобусом до железнодорожного вокзала, и – здравствуй, Мулино, 468-й окружной учебный центр.

Виктор резонно полагал, что в армии его обучат на водителя бронетранспортера или механика-водителя танка, а попал в учебный противотанковый артиллерийский полк. И пушечки далеко не новые, 100 мм, буксируемые МТ-12 или 2А29 серии «Рапира». Производиться они начали еще во времена СССР, с 1970 года. Позже, в армии, для борьбы с бронированными целями появились ПТУРСы – противотанковые ракетные комплексы, причем управляемые сначала по проводам, а потом – по лазерному лучу. Пушки потихонь-

ку уступали позиции, однако и ракеты оказались не без изъянов. Стоило противнику пустить дымовую завесу, и лазерное наведение слепо. Кроме того, пушки обладали лучшей кучностью и точностью боя.

Виктор вначале расстроился. Пушкарь – не очень современно. Но затем ему стало интересно, тем более что механика его всегда интересовала.

Расчет у этой пушки состоял из шести человек, но Виктор попал в наводчики. Прицелы изучали – АПН-6-40 и ОП4М-404, материальную часть пушек. Хуже всего были занятия по баллистике – сплошная математика и расчеты. Для стрельбы прямой наводкой по цели они не очень-то и нужны, тем более что все расчеты вел командир батареи или огневого взвода.

Порядки в «учебке» были строгие: подъем, умывание, физзарядка, завтрак, занятия, и с непривычки он к вечеру падал в койку полумертвым. Однако через месяц-два привык, втянулся, полегче стало. А когда от теории перешли к полевым занятиям – и вовсе интересно. Плохо только, что пушка тяжела, три тонны весом, попробуй по неровному полю расчетом в шесть человек катить ее, да еще капонир отрыть!

Потом к стрельбам перешли. Тренировались по мишеням – сначала неподвижным, а потом движущимся. Для экономии дорогих боеприпасов в ствол пушки вставлялся вкладной стволик под патрон крупнокалиберного пулемета 14,5

мм, и все номера расчета действовали так, как будто стреляли боевыми снарядами. Заряжающий вкладывал пулеметный патрон в ствол, кладал затвором, а после выстрела кричал «Откат нормальный!», хотя никакого отката не было совсем.

К концу «учебки» проводились стрельбы боевыми снарядами, по три на ствол. Но снаряд – это по-обывательски. В артиллерии снаряд – это то, что вылетает из ствола и поражает цель. А вообще-то, если грамотно – патрон или выстрел, который объединяет снаряд и гильзу с пороховым зарядом, довольно тяжелые.

Батарея состоит из шести пушек. Командиры орудий приказали:

– Готовься! Зарядить подкалиберным!

Заряжающий патрон в камору ствола втолкнул, затвор сам закрылся.

– Наводи! Дальность – восемьсот метров!

Виктор приник к дневному прицелу, увидел далекую цель и стал вращать маховички вертикальной и горизонтальной наводки. Только сразу некую странность заметил – изображение у сетки прицела не такое, как всегда. Сначала подумал – не глаза ли «замылились» от напряжения? Повернул голову влево – там пушка, где наводчиком Лешка, сосед по кровати. Нет, все нормально, к прицелу приник, лицо сосредоточенное. И видит его Виктор четко.

Он снова приник к прицелу. Первое указание было –

стрельба по неподвижной цели, силуэтику. А тут мишень качается, и полное ощущение – на тебя настоящий танк ползет, да еще на лобовой броне крест немецкий. Для боевых стрельб нарисовали?

Однако командир орудия вел себя как всегда. Он резко опустил поднятую руку с флажком и крикнул:

– Выстрел!

Виктор нажал спусковой рычаг. Грянул выстрел, пушка подпрыгнула, ствол откатился назад, звякнула выброшенная из патронника гильза и остро запахло сгоревшим порохом. Заряжающий закричал «Откат нормальный!», но Виктор обратил внимание, что голос у него изменился, сиплым стал. У заряжающего Павла голос звонкий, мальчишеский еще.

Виктор повернул голову и замер: рядом с пушкой стояли два солдата, однако они были совершенно незнакомы ему, а еще и в советской форме старого образца – с петлицами вместо погон.

Виктор скосил глаза – и у него погон нет. Все это было непонятно и странно, тем более что и пушка была ему незнакома. Не его МТ-12, а маленькая, низкая – такие он в старой кинохронике видел, «сорокапятка», или «Прощай, Родина!» – так ее называли пушкари. По сравнению с его «Рапирой» просто игрушечная, и заряжающий вбрасывает в казенник патрон удивительно маленький.

Командир орудия с тремя треугольниками в петлицах кричит:

– Попали! Горит, сволочь! Целься по бронемашине, слева двадцать!

Виктор оторопел – кто горит, почему? И люди вокруг настроены сурово и решительно. А еще – они же незнакомы, но почему-то его за своего принимают.

Виктор приподнял голову над низким щитом: впереди, метрах в трехстах, стоял и дымил настоящий немецкий танк Т-II – видел он такой на фотографиях и в хронике, такие в поверженный Париж входили. Бред какой-то!

Но слева от танка бронетранспортер выползает.

Виктор припал к прицелу. Ну да, прицел тот, в который он целился – прицельная марка в виде треугольника. Стекло слегка мутноватое, не такая кратность, как на прицеле «Рапиры».

Виктор навел марку на капот двигателя и нажал кнопку спуска. Грянул выстрел, и бронетранспортер встал. Из него посыпались солдаты в серой форме.

– Попал! Так им! – И командир витиевато, от души выматерился.

Виктор украдкой осмотрелся.

Пушка стояла в неглубоком капонире, благо – сама низкая. Впереди, в полусотне метров, была видна траншея и пулеметный окоп, мелькали стальные каски.

В эту секунду из пулеметного окопа по немцам ударил пулемет. Звук был необычный, отличался от РПК или «печенег». И щиток на пулемете – неужели «максим»? Виктор ведь

его только в музее видел, на стенде, посвященном Гражданской войне.

Каждая минута приносила удивительные моменты, которые он объяснить не мог.

Его слегка толкнули в руку.

– Пить будешь? – заряжающий протянул ему солдатскую фляжку.

Виктор кивнул, отпил пару глотков и вернул флягу. Неожиданная мысль пришла ему в голову: если это сон, то почему вода настоящая? И самое непонятное: если он неожиданно оказался в другом времени или пространстве, то почему никто из расчета пушки не видит, что у прицела сидит другой наводчик? Неужели так похожи лица? Форма солдатская одинакова у всех, понятное дело, армия – но лицо? Голова шла кругом, но с разборкой Виктор решил пока повременить – ситуация не та.

И тут он едва не прокололся, похлопав пушку по казеннику:

– Это «сорокапятка»?

Сказав так, он едва не прикусил язык. В документальном кино он видел хронику, и пушки были точь-в-точь такие, но везде говорили о калибре в 45 миллиметров. Откуда ему было знать, что в основе противотанковой артиллерии РККА была немецкая лицензионная пушка PaK 3,7 см 35/36, которая начала производиться на подмосковном заводе имени Калинина под индексом 1К и которая стала первой противо-

танковой пушкой Красной армии? На тот период пушка показала хорошую эффективность – на 300-метровой дистанции ее снаряды пробивали 30 мм брони.

Но отечественный завод производил пушки полукустарно, многие детали слесарям приходилось подгонять вручную, и на первых порах было много брака. Кроме того, бронебойные снаряды отечественных заводов уступали немецким – причина была в неправильной термообработке. Перекаленные снаряды просто раскалывались о броню, не пробивая ее.

В боях 1941 года участвовало немало пушек 1К, использовавших трофейные боеприпасы. Почти все 37-миллиметровые отечественные пушки были потеряны в тяжелых боях лета и осени сорок первого года.

В 1937 году пушку переделали. На лафет 37-миллиметровой пушки положили 45-миллиметровый ствол, ввели подрессоривание колес. Увеличение калибра позволило увеличить бронепробиваемость. Снаряд весом 1,43 кг на дистанции 500 метров пробивал по нормали 43-миллиметровую броню. Осколочная граната давала сто осколков – по фронту 15 метров, в глубину 5–7 метров. Картечь давала осыпь по фронту 10 метров, а в глубину – до 400.

Пушка обладала малым весом – всего 560 кг – и скорострельностью 12–15 выстрелов в минуту. Немаловажно еще и то, что ее силуэт был низким – это позволяло легко маскировать ее на поле боя подручными средствами.

Но и немецкое танкостроение не стояло на месте. С началом войны, столкнувшись с новыми моделями наших танков КВ и Т-34, немцы увеличили толщину брони основных танков первого периода войны – Т-III и Т-IV до 50 мм, и «сорокапятка» могла поражать их только в борт или с малой дистанции – 100–200 метров.

Бой стих. Подносчик снарядов и заряжающий выбросили за бруствер гильзы и подтащили поближе ящики со снарядами. Виктор ждал, когда командир орудия отдаст приказ о смене позиции. Как хорошо ни маскируй орудие, после первых выстрелов оно обнаруживает себя – по вспышкам выстрелов, по звуку, по взметнувшейся перед стволом пыли. Немцы наверняка позицию засекли и могли накрыть ее артиллерийским огнем.

Однако командир уселся на пустой снарядный ящик и закурил.

Виктор офицерского училища не заканчивал, но несколько правил армейской жизни усвоил. Дал очередь из автомата – перекатись, смени позицию. А тут – полная беспечность.

Он подошел к сержанту.

– Садись, закуривай! – предложил тот.

– Нам бы позицию сменить, – не удержался Виктор. – Мы отстрелялись, немцы нас засекли – как бы чего плохого не вышло.

Сержант помрачнел лицом, на скулах заходили желваки.

– Твое дело – наводить и попадать в цель. А решать будет

командир батареи. Ясно?

– Так точно! Разрешите идти?

– Идите...

Так, контакта с командиром пушки не получилось.

Заряжающий и подносчик снарядов разговор Виктора с сержантом слышали.

– Ты чего сам нарываешься?

– На что?

– Капонир копать хочешь? Саперной лопатой не наковырялся?

Виктор пожал плечами: не хотят – не надо.

Он осмотрелся, нет ли где поблизости окопа или воронки – на всякий случай.

Укрытие понадобилось уже через довольно короткое время – далеко в небе показались точки, довольно быстро приближающиеся. Через несколько минут они превратились в пикировщиков Ю-87, прозванных красноармейцами «лаптежниками» за характерный вид обтекателей на неубирающихся шасси.

Пикировщики встали в круг, передний вошел в пике.

Заряжающий закричал:

– Воздух! – И бросился в капонир. Сделал он это зря, поскольку сверху капонир виден отлично.

От самолета отделились бомбы.

Секунду Виктор смотрел на них, пока наконец до него не дошло – надо спасаться. Он бросился в ложбину метрах в

двадцати от пушки. Успел упасть и прикрыть голову руками.

Бомбы падали с противным воем, а еще для устрашения на пикировщиках включили сирену. Жутковато стало.

Грохнул один взрыв, за ним с полусекундной задержкой – еще три. Правда, далеко, метрах в ста пятидесяти, и наверняка по другим позициям.

Второй самолет отбомбился ближе, а третий сбросил бомбы на их позицию. Все заволокло пылью, уши заложило.

Когда самолеты отбомбились и улетели, Виктор выбрался из укрытия.

Картина его взору предстала нерадостная: пушка лежала на боку, рядом с капониром – две воронки.

Виктор пошел к пушке. Заряжающий был убит и наполовину присыпан землей. Командир орудия также убит – ему оторвало обе ноги. Жив был лишь только подносчик снарядов, да и то потому только, что в окопчик спрятаться успел.

И в это время от траншеи пехотинцев раздались крики:
– Танки!

Виктор быстро осмотрел пушку. Видимых повреждений он не заметил, скорее всего орудие просто перевернуло взрывной волной.

– Ну-ка, помоги! – приказал Виктор подносчику.

Навалились вдвоем, поставили орудие на оба колеса. Виктор – сразу к прицелу – не помят, не искорежен, оптика цела. Стрелять можно.

– Патрон!

Виктор снова прицелился. Далеко, едва заметно переваливаясь на неровностях, ползли четыре танка. Но надо ждать, пока они подползут поближе. Пятьсот метров, четыреста, триста...

И в этот момент из пехотной траншеи раздался выстрел из противотанкового ружья – кто-то не выдержал напряжения. Но танки так и продолжали ползти.

Правее Виктора хлопнул пушечный выстрел, и стоящий рядом подносчик сказал:

– Это из нашей батареи, расчет Поликарпова. Цел, стало быть...

– Сколько было пушек в батарее?

– До бомбежки – четыре.

Танки открыли огонь из пушек.

Виктор подвел треугольник прицела немного ниже башни. В передней ее части с обеих сторон есть наклонные листы, и если попасть туда, снаряд срикошетирует вниз и пробьет броню корпуса сверху – там броня тоньше всего. Называлось это место заман.

Выстрел! Танк прополз еще немного по инерции и встал. Из люков и смотровых щелей повалил черный дым. Распахнулись люки, и из танка стали выбираться танкисты в черной униформе. Тут уж пехотинцы не оплошали и открыли огонь из винтовок и пулеметов, вымещая всю скопившуюся злость, ненависть и страх перед бронированными машинами. Все четверо членов экипажа были расстреляны и засты-

ли на броне в самых немыслимых позах.

В начале войны немцы атаковали танковыми клиньями. Сосредотачивали на узком участке фронта – с километр – 50–60 танков, и противостоять бронированному кулаку было почти невозможно, средств же борьбы с танками не хватало. По довоенному штату стрелковая дивизия РККА имела 54 противотанковых пушки, а по штату июля 1941 года – всего 18, да и то калибра 45 мм. Нельзя же всерьез рассматривать бутылки с горючей смесью, прозванной коктейлем Молотова, или противотанковые ружья. Они были эффективны против бронетранспортеров или автомобилей, а у танка при удачном попадании могли перебить гусеницу. Нехватку пушек в стрелковых дивизиях старались возместить противотанковыми ружьями.

Кроме того, налицо был тактический просчет. Все пушки противотанковых батарей ставили линейно, на некотором удалении друг от друга за траншеями пехоты. И только с опытом, уже в 1942–1943 годах стали создавать противотанковые опорные пункты, находящиеся в огневой связи друг с другом – тогда пушки обоих пунктов могли стрелять по одной цели. Только дались эти знания ценой большой крови.

Пушка расчета Поликарпова сделала еще один выстрел и подбила танк, двигавшийся на нее. Но два целых, еще не поврежденных танка засекли пушки и открыли по ним огонь.

Первый снаряд немцев разорвался с недолетом. Но Виктор успел выстрелить в ответ и угодил в гусеницу. Танк

потерял возможность двигаться, превратившись в бронированную огневую точку, и стал посылать снаряд за снарядом в сторону пушки Виктора. Короткоствольная 50-миллиметровая танковая пушка, прозванная немецкими танкистами «окурком», стреляла каждые десять секунд.

Виктор и подносчик снарядов укрылись в воронке от авиабомбы – при необходимости она могла вместить десяток человек.

Позицию пушкарей заволокло пылью и дымом.

Выпустив с десяток снарядов, танк стрелять перестал, и Виктор осторожно выглянул. К танку, потерявшему ход, с кормы подъехал другой танк. «На буксир хотят взять!» – догадался Виктор.

Пехотинцы открыли огонь, пытаясь помешать танкистам, но экипаж второго танка прикрывал подбитую машину своим корпусом.

Виктор подполз к пушке. Ей досталось: щит пробит осколком, прицел разбит вдреизг. Стрелять фактически нельзя – как целиться? Но уж больно нагло немцы ведут себя!

Дальность прямого выстрела пушки превышала дистанцию до танка, и Виктор решил рискнуть. Оба танка сейчас неподвижны, несколько минут – и танкисты прицепят трос и потянут подбитый танк в свой тыл. Полчаса на смену поврежденного трака – и танк снова в строю! Ну нет!

Виктор открыл затвор и навел пушку по стволу, целясь во второй танк. Сам загнал снаряд в ствол и выстрелил. Не гля-

дя – попал или нет – он снова принял к стволу и маховичками навел пушку на первый танк, из которого вели пулеметный огонь. Снова снаряд в цель – и выстрел!

Виктор поднял голову над щитом. Броневого щита хоть и тонкий, но от пуль защищает. Это уже в 1942 году появилась модернизированная «сорокапятка», у которой толщину броневых листов увеличили с 4,5 мм до 7 мм.

От обоих танков валил дым.

– Ура! – это кричал стоящий рядом подносчик снарядов.

– Прицела нет. Все, амба пушке.

– Так ты же стрелял!

– Через ствол целился. А попал потому, что цель неподвижна.

Оставшийся неповрежденным единственный танк попятился задом и скрылся в кустарнике.

– Пойдем к Поликарпову, – предложил подносчик снарядов, – может – подмогнем.

Идти до соседнего капонира было недалеко, и где ползком, а где перебегая они добрались до соседнего орудия.

Картина предстала их взору неприглядная. Пушка с оторванным колесом, вся посеченная осколками, а вокруг, в нелепых позах – артиллеристы. Видимо, снаряд из танка угодил в капонир.

Подносчик медленно стянул с головы пилотку:

– Одним снарядом всех, сука!

– Сопли вытри... Где другие пушки батареи?

– Забыл, что ли? Влево от нашей стояли, только после авианалета я не слышал, чтобы они стреляли.

– Идем туда!

– Не пойду! Чего я там не видел?

– Ну и черт с тобой, оставайся!

Виктор пошел назад, к своей разбитой пушке, а от нее по кустам – влево.

На пути стали попадаться большие воронки от авиабомб. Немцы боеприпасов не жалели, самая маленькая бомба была в пятьдесят килограммов, а чаще – «сотка».

Вместо капонира Виктор увидел искореженный ствол, остальные детали пушки были раскиданы, а от бойцов – только куски тел. «Наверное – прямое попадание», – подумал Виктор. От вида оторванной ноги в сапоге его едва не стошнило, и он поспешил уйти к другому оружию.

Виктор успел пройти всего полсотни шагов, как из-за кустов выбрался пехотинец с винтовкой СВТ, прозванной бойцами «Светой».

– Ты кто такой? – спросил он, направив на Виктора винтовку.

– Пушкарь, – спокойно ответил Виктор. – Пушку мою разбило.

– А вон там целая стоит, только бойцов побил. Пойдем, покажу... – Боец забросил винтовку за плечо.

Капонира оказался неподалеку. Пушка, стоящая в нем, была цела, и рядом с ней – несколько ящиков снарядов.

– А бойцы где?

– В ровике прятались. Бомба рядом угодила, и всех наповал.

Смотреть на убитых Виктор не пошел – слишком тяжелое зрелище. К крови и виду оторванных конечностей он еще не привык, и такие картины действовали на него угнетающе.

Виктор осмотрел пушку. Цела, ни одной царапины. Нелепо как-то – железо осталось, а люди погибли.

Он уселся на снарядный ящик, пытаясь привести свои чувства в порядок. Все вокруг настоящее, не виртуальная игра и не бред воспаленного мозга. Только один вопрос мучил его – за что и как он сюда попал? Вроде службу нормально нес, не подличал – почему именно он? Половину срока по призыву оттянул, еще столько же – и на дембель... А здесь запросто убить могут. И в «учебке» его, наверное, уже разыскивают: был человек – и пропал.

Голова была полна новыми и не очень приятными впечатлениями. В горячке боя он не чувствовал страха, а сейчас испугался. Попади бомба ближе – и он лежал бы сейчас, как эти парни, его сверстники. Или это испытание дано ему судьбой? Выдержит ли, сможет, как они?

Размышления Виктора прервал подносчик снарядов, наверное – неуютно стало одному. Батарея разбита, бойцы погибли – куда податься? Вот и пошел Виктора искать.

Подносчик снарядов уселся рядом на бруствер и протянул Виктору пачку сухарей в бумажной обертке. Сухари армей-

ские, ржаные, квадратные.

– Перекуси... Думаю, старшина обед не привезет. Где она, та полевая кухня?

Виктор взял сухарь и с трудом отгрыз кусок – таким только гвозди забивать можно. Полежали на складах, в запасах, а случилась война – на фронт отправили.

Все-таки сухарь он съел – сказалась армейская привычка. Есть возможность спать – спи, как говорится, солдат спит – служба идет. Вот и с едой также. Лучше съесть ее, пока есть такая возможность, потому что неизвестно, покормят ли потом. А на фронте – тем более.

– Что делать будем? – спросил подносчик.

– А что ты меня спрашиваешь? Я не командир.

– Ты младший сержант и по должности выше, наводчик.

А я рядовой.

Вот незадача! Одно дело – решать за себя, и совсем другое – за подчиненного.

– Пушка цела, снаряды есть – будем стоять до приказа.

– Думаешь – мы его получим, этот приказ?

– А какой тебе нужен приказ? Отступить? Позиции оставить? Драпать надумал?

– Так германец сильнее!

– И где ты намерен остановиться? На Волге? На Урале?

Подносчик оторопел и, глядя на Виктора, молча хлопал глазами. Не хотел Виктор урок агитации преподать, само получилось.

– Чего молчишь? Крыть нечем? – продолжал Виктор. – А ты о людях, о жителях подумал? Женщинам, детям, старикам – им под немцем быть? Сам-то ты откуда?

– Куйбышевский...

– Ага, думаешь – не доедет немец? А если каждый, как ты, приказ об отступлении ждать будет, так и случится.

– Особисту донести хочешь?

– Тьфу на тебя! Дурак ты – дурак и есть. Объяснить тебе хочу...

– Так ведь резервы быть должны... Подойдут из тыла, немцев отбросят...

– Для мобилизации время нужно. Обуть-одеть новобранцев, оружие в руки дать и пользоваться им научить. А это все время. Вот мы и должны стоять, чтобы они, резервы эти, подготовлены были и сюда переброшены...

– Да я все это понимаю, только жить охота.

– А им? – Виктор показал рукой в сторону ровика, где лежал погибший расчет пушки.

– Героем стать захотел, да?

– Нет. Я солдат и долг свой перед Родиной до конца исполнить хочу. Негоже, когда немцы нашу землю топчут. Это моя земля, и твоя, и всех нас...

– Здорово тебя комсомол воспитал...

– Опять не то! Я не за партию и комсомол воюю, не за Сталина – за страну.

Подносчик огорченно махнул рукой и замолк, ничего не

ответив более – у него было свое мнение. Он понял, что Виктора не переубедить. А хуже того – донесет он. К сожалению, стукачей было много и в армии, и среди обывателей. Всеобщая истерия о врагах, о предательстве охватила массы, маховик репрессий был раскручен.

Немалую лепту перед войной внесли в это сами немцы. Будущему противнику, СССР, подбрасывали очень похожие на правду документы – через дипломатов, через разведку. И Сталин купился, перед войной по армии прокатился поток репрессий: многие командиры, прошедшие Испанию и Халхин-Гол, были брошены в лагеря или расстреляны, а на командирские должности были поставлены партийцы из числа пролетариев. У них и большевистский фанатизм был, и преданность идеалам Ленина – Сталина. Вот только военных знаний не было. Молодые, закончившие краткосрочные курсы, они не обладали ни обширными военными знаниями, ни культурой. Их потолок был – рота, ну – батальон, а их поставили командовать дивизиями, армиями. Ошибку в дальнейшем исправили, заплатив за нее миллионами потерянных человеческих жизней, оккупированными землями и разрушенной промышленностью.

Конечно, слова Виктора были кощунственными. Как это – не за Сталина, не за ВКП(б)?

– А какое сегодня число? – спросил вдруг Виктор.

– Запомню! Или бомбежка мозги напрочь отбила? Четырнадцатое сентября сорок первого года.

Виктор присвистнул.

В этот момент из-за кустов вышел командир – на малиновых петлицах его было по два кубика.

Виктор с подносчиком вскочили и в приветствии приложили руку к пилотке.

– Вольно, бойцы! А где расчет?

– Только мы остались, – доложил Виктор.

– А батарея?

– Нет ее, мы на других позициях уже были. Одна пушка осталась, и нас двое.

– Плохо!

Лейтенант присел на ящик, вытащил портсигар и протянул его Виктору и подносчику:

– Курите...

Однако оба отказались – ни тот ни другой не курили.

– Снаряды есть?

– Несколько ящиков.

– Полагаю, немцы до вечера еще попробуют наступать. Я командир пехотной роты, что перед вами стоит, и на вас одна надежда. Немец танками силен, выбить их – ваша задача. Помощь нужна?

– Нужна. Немцы все позиции наши засекли, надо другой капонир рыть. Вдвоем не осилим.

– Людей не хватает... Вырыть не успеем, но несколько человек дам, перетащите пушку в другое место.

Лейтенант ушел.

– Ты побудь здесь, а я пройдуся, поищу выгодную позицию, – сказал Виктор.

Он прошел влево-вправо метров на сто и обнаружил небольшой бугорок. Если подрывать его немного у основания, пушка за ним отлично встанет. У нее силуэт низкий, и от огня танковых пушек она прикрыта будет. Ну а самолеты налетят – так уже ни капонир, ни ровик расчет от бомбы не уберегли.

Когда Виктор вернулся, у пушки его ждали двое пехотинцев.

Пушку выкатили из капонира, ухватились за станину и покатали дальше.

Виктор в душе ругал себя последними словами. Одно слово – наводчик, а не командир орудия. Пешком-то он легко проделал путь, а с пушкой пришлось искать, где можно проехать. То близко растущие деревья мешали, то воронка от бомбы, то русло пересохшего ручья. Казалось бы, очевидная вещь – вернуться к пушке и по дороге назад прикинуть, где ее катить проще. Нет опыта, все приходится на своем горбу тащить. Однако пушечку к бугорку они подтащили.

Сначала пехотинцы саперными лопатками копали, где Виктор указал. Когда же они умаялись и сели передохнуть, их лопаты взяли Виктор и подносчик Илья.

Но много ли накопишь малой саперной лопаткой? Получалось небыстро и физически утомительно. Но Виктор работой своей остался доволен.

– Бойцы, а теперь снаряды перенести надо.

Красноармейцы вздохнули, да деваться некуда. За месяцы войны они уже столько земли перекопали, сколько за всю предыдущую жизнь. И пушкарей без помощи оставить нельзя, на них вся надежда. Прорвется танк к траншеям – расстреляет из пулемета или крутиться на траншее начнет – обрушит, погребет под землей. Поэтому хоть и устали, ящики со снарядами несли безропотно. Однако едва положили их у пушки, тут же ушли. Останься – младший сержант еще работу найдет.

Виктор сказал:

– Я к капониру вернусь, может быть, что-нибудь полезное найду. А ты тем временем пушку замаскируй, чтобы ее с десятка шагов заметно не было. Вернусь – проверю.

– Так нас после первого же выстрела засекут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.